

ГОРОД
ТЫСЯЧИ ПРАВИЛ

Амбициозный Кролик Город Тысячи Правил

<https://litres.ru/74679073>

SelfPub; 2026

Аннотация

В этом городе сбываются мечты.

Танцуй так, чтобы зрители забыли обо всём на свете. Заключай безупречные сделки. Создавай вещи, которым нет равных. Здесь удача улыбается тем, кто знает, как ей угодить.

Только не спрашивай почему, у нас так не принято.

Зажигай по вечерам не меньше трёх фонарей. Не сажай в саду красные лилии. Не поднимай ничего с земли после заката. Не слушай тех, кого давно похоронил. А если однажды заметишь, что люди вокруг перестали отбрасывать тени, беги.

Соблюдай эти простые правила, и, быть может, состаришься здесь.

По утрам всё будет как прежде: лавки откроются, фонари погаснут, соседи поздороваются. Только иногда кто-то не вернётся домой. И никто не вспомнит, кого именно ждут.

Город щедр к тем, кто остаётся. Отсюда не уезжают.

Добро пожаловать. Не оборачивайся, если услышишь своё имя.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Амбициозный Кролик Город Тысячи Правил

Глава 1

Утро начинается тихо. Свет фонарей, бледный и холодный, тонким слоем ложится на каменные плиты внутреннего двора, делая их похожими на старые кости. Сырость ещё липнет к земле, клубится туманом в углах, скрадывая очертания сада. В каменной чаше для омовения вода стоит неподвижно, она всегда неподвижна, а на её поверхности застыл алый кленовый лист, который не дрожит даже от сильного ветра.

Я сижу на веранде у низкого столика и жду, когда Кото закончит раскладывать всё необходимое. Чайница с порошком, чаша, бамбуковый венчик... Сосредоточенный взгляд и точные движения. Четыре года назад её пальцы постоянно путались, венчик выскальзывал, а порошок постоянно сыпался по всему столу. И каждый раз Кото краснела, злилась, но начинала заново. Сейчас же всё ложится на свои места с первой попытки, я не помогаю и не поправляю. Просто наблюдаю, как моя ученица работает, и отмечаю про себя каждое движение: идеально. Ну, почти.

— Итак, Кото, — говорю я, когда она, наконец, замирает.

— Что важнее в чае: вкус или ожидание?

Кото поднимает взгляд. Ей почти семнадцать, и в этом взгляде уже давно нет ничего детского. Она думает секунду дольше, чем нужно для вежливости, и отвечает с любезной, но не заискивающей улыбкой:

— Ожидание, Аямэ-сан. Вкус без ожидания — всё равно что подарок без праздника.

Ответ красивый, отточенный и слишком гладкий: я сама вложила эти слова в неё. Потребовалось много времени и сил, чтобы Кото перестала бездумно говорить первое, что придет в голову. А улыбки все ещё даются моей ученице сложнее всего. Даже такой, неидеальный вариант я заставляла её отрабатывать несколько недель перед зеркалом, пока Кото не перестала быть похожей на угодливо скалящуюся попрошайку, которой из жалости бросили мелкую монетку.

Кото уверенно берёт венчик. Она взбивает чай быстро, но без спешки, следит за пенкой, за тем, как порошок полностью растворяется и поверхность воды становится ровной, без комочков. Но я вижу, как её рука чуть ускоряется. Почти незаметно. Она и сама это чувствует — уголки губ на мгновение напрягаются. Но не останавливается. Заканчивает, а затем поднимает чашу двумя руками и подаёт мне.

Я делаю глоток. Горько, плотно, правильно. Не идеально — Кото всё ещё чуть торопится, — но уже близко.

— Лучше, чем на прошлой неделе. Но ты снова ускоряешь руку, когда кажется, что пенка почти готова. Ритм все-

гда должен оставаться ровным. Не теряй контроль.

Кото наклоняет голову, принимая замечание. Даже не краснеет и не опускает глаза, как раньше. Это мне в ней и нравится — не спорит и не оправдывается, а просто запоминает. Не люблю споры.

Некоторое время мы просто молчим, слушая тишину утра. Кото споласкивает венчик, вода стекает по бамбуку, собирается на кончике и падает в чашу. Я же смотрю на сад. Сакура цветёт, хотя до настоящей весны далеко. В моём дворе она цветёт всегда, без остановки — одна из немногих приятных странностей, к которым легко привыкаешь, если живёшь в нашем Городе достаточно долго. Сегодня лепестки падают редко и как-то неохотно, будто им жаль покидать ветки. Краем глаза замечаю, как Кото, решив, что я не смотрю, украдкой разминает затёкшее запястье и морщится. Делаю вид, что не вижу.

Потом Кото вдруг говорит:

— Аямэ-сан, а правда, что в других землях люди пьют чёрную горелую воду вместо чая?

Я оборачиваюсь к ней, удивлённо поднимая бровь.

— Откуда ты такое услышала?

— На рынке. Купец из портового города рассказывал. Он говорил, что люди в странах с юга любят такой напиток больше чая. Жарят орехи на огне, измельчают их, а потом заваривают как чай, представляете? Получается горькая вода со вкусом, как у углей, но им нравится. Вот же забавные дика-

ри...

Я смотрю на оставшуюся в чаше пенку, с трудом подавляя желание скривиться от отвращения. В чужих землях, видимо, свои странности. Пить воду на горелых орехах, надо же придумать подобное. Может, это делают воины перед битвой? В суровости и несовершенстве тоже ведь есть своя, особая красота.

С другой стороны, если подумать, гости иногда любят что-то новое, необычное. Если устроить церемонию подачи в воинском стиле, например, смягчить вкус углей чем-то сладким, вроде десерта из бобовой пасты, показать пропасть между сладостью победы и горечью поражения. Может быть, даже интересно.

— Может, когда-нибудь мы это попробуем, — отвечаю задумчиво. — Приготовить так, как у них. Ради интереса. И посмотрим, удивятся ли гости или решат, что мы над ними издеваемся.

Кото тихо усмехается — коротко, почти незаметно — и продолжает убирать принадлежности. Я замечаю эту усмешку. Она становится редкой. Раньше Кото смеялась чаще. Даже хохотала, беззаботно и громко. Теперь — только так, уголком рта, будто проверяет, можно ли.

Мы заканчиваем. Я ополаскиваю чашу, Кото вытирает и ставит всё на место. Когда стол снова пуст, я встаю.

— Сегодня идём к госпоже Судзуки. Переоденься во что-нибудь попроще, но чистое. И возьми свой свиток для запи-

сей. Говорить она будет много, и половину из этого тебе лучше записать сразу.

Кото кивает и уходит в дом. Я задерживаюсь на веранде ещё минуту, глядя на сад. В одиночестве позволяю себе раздражённо вздохнуть. Не люблю ранние подъёмы. И ранние визиты. Время гейш — вечер, приёмы часто затягиваются до глубокой ночи, и я привыкла просыпаться к полудню. Но у госпожи Судзуки свои правила. С этой капризной старухи станется даже не пустить нас на порог, если мы придём к обеду.

Через четверть часа мы выходим.

На пороге поправляю рукав и проверяю, что забыла небольшой свёрток с хорошим чаем — в знак уважения, и свиток с правилами. Привычка, от которой не избавляюсь даже в коротких выходах. Кото уже ждёт во дворе. На ней тёмно-серое кимоно без узоров, волосы собраны туго в пучок. Для обычных походов в город мы всегда одеваемся очень просто, чтобы не привлекать внимание и не выделяться из толпы. Так безопаснее.

Исао стоит у внешних ворот. Открывает их молча, пропускает нас и закрывает за спиной. Я чувствую его взгляд чуть дольше обычного — проверяет, всё ли в порядке. Обычно я не беру его с собой при визитах к наставнице. Дорога мне хорошо знакома и чаще всего проходит без происшествий. Да и Судзуки терпеть Исао не может, незачем раздражать её лишний раз.

Наш квартал лежит на среднем склоне Города. Мостовая вымощена ровным серым камнем, и по краям дороги, вдоль заборов из тёмного бамбука, бежит узкий жёлоб для дождевой воды. Ни одна ступень не стёрта настолько, чтобы споткнуться. За оградами тянутся аккуратно обрезанные сосны, закрывая крыши домов зажиточных людей, торговцев и известных ремесленников. Между ними прячутся приличные чайные дома с задвинутыми до вечера створками. Здесь живут те, кто может позволить себе не слышать по ночам крики с нижних улиц.

Воздух суше, чем внизу. По утрам почти не пахнет дымом печей и нет лишнего шума, только дворники где-то скребут метлами. Гости добираются до моих ворот без труда, не пачкая подола и не теряя лица, и это важно. Статус держится не только на умении танцевать. Верхний квартал, конечно, для нас закрыт: такие высоты гейшам недоступны, как ни танцуй.

Дорога к госпоже Судзуки ведёт сначала вниз. Её дом стоит выше моего, ближе к старому храму, но короткого пути туда нет. Приходится сначала спуститься и пройти через шумные улицы на границе с нижними кварталами, и я никогда не выбираю обходные пути.

Первые несколько минут ступени ещё чистые. Потом камень темнеет и становится влажнее, и вместе с этим меняется запах. Сперва тянет варёным рисом из-за чьих-то ство-

рок. К ним примешиваются запахи мокрого дерева и чужого белья, развешанного на просушку поперёк переулка, так низко, что приходится пригибаться. Здесь уже живут те, кто обслуживает город — прачки с красными от щёлока руками, мелкие торговцы, мастера по сёдзи, чьи столы стоят прямо на улице, женщины, которые знают о чужих домах больше, чем сами хозяева.

Многие гейши брезгуют сюда спускаться. Но не я. Внизу правила помнят лучше, их видно у каждого порога, а цена за ошибку наступает быстрее. Тот, кто живёт наверху, может позволить себе забыть. Я же хожу этой дорогой, чтобы напоминать себе, чем может закончиться неосторожное слово или неосторожный шаг.

Кото идёт рядом, руки сложены перед собой. Она уже не вертит по-детски головой, как раньше, не тянется руками к каждому лотку и глазееет на каждую вывеске. Но я замечаю, как её взгляд цепляется за мелочи, на которые прежде она не обратила бы внимания — на венке из сухих трав у чужих ворот, перевязанном выцветшей лентой, потом скользит дальше и замирает на меловой черте, которая тянется поперёк узкого переулка, ровная и белая, будто проведённая по линейке.

— Венок свежий, — тихо говорю я. — Повесили сегодня, вероятно, рано утром.

— Значит, ночью кто-то нарушил правило.

— Да. Три дня будет висеть. Потом снимут — или не сни-

мут, если не поможет.

Она кивает. Мы проходим мимо меловой черты, не наступая на неё. Кото замедляет шаг у самой границы — чуть-чуть, почти незаметно — и обходит её по дуге.

Чем дальше вниз, тем оживлённее улицы. Лотки уже открыты, торговцы выкрикивают цены, из дешёвых чайных тянет горячими рисовыми лепёшками и нагретым sake. Здесь Город показывает своё дневное лицо — шумное, почти обычное. Можно даже на мгновение забыть, где находишься.

Пока Город не решит тебе напомнить.

Мы останавливаемся буквально на минутку — внимание Кото привлекли деревянные гребни на одном из лотков. Обычно я строгая наставница и не даю Кото отвлекаться на всякие глупости. Но иногда позволяю себе побаловать ученицу подобными безделушками. Разумеется, не из привязанности, просто довольная Кото учится лучше. У неё должны быть свои мелкие радости, в нашей жизни этого и так не хватает.

Женщина, вся помятая и грязная, выбегает из дома слева от нас так внезапно, что несколько человек рядом невольно останавливаются. Она нервно оглядывается, будто ищет кого-то в толпе, и хрипло, с надрывом, кричит:

— Юто! Юто!

Я замираю. Нет, только не...

Но потом она зовёт снова, третий раз — громко, отчётливо, с той отчаянной силой, с которой зовут только тогда, ко-

гда уже почти не надеются.

Я не думаю, почему она это сделала, на размышления нет времени. Хватаю Кото за запястье и рывком тяну за ближайший лоток с тканями. Мы пригибаемся за рулонами тяжёлого хлопка. Я зажимаю Кото рот ладонью — не грубо, но достаточно твёрдо, чтобы она не успела ничего сказать. Её дыхание горячее и быстрое под моей рукой. Я чувствую, как испуганно бьётся жилка у неё на шее. Она не сопротивляется, только замирает — вся, до кончиков пальцев.

На улице происходит то, что происходит всегда в таких случаях. Никто не бросается на помощь, не подходит спросить, что случилось. Люди отводят глаза, ускоряют шаг, сворачивают в боковые проходы. Торговец у соседнего лотка замолкает на полуслове и принимается перекладывать товар, будто ничего не слышал. Женщина с корзиной уходит в переулок, не оглядываясь. За какие-то мгновения вся улица пустеет. На виду остаются только кричавшая женщина и тот, кто уже скользит ней из переулка напротив.

Я не осмеливаюсь смотреть на него прямо. Замечаю только силуэт краем глаза — чёрный, высокий, слишком плавный в движениях, будто ноги не касаются земли, руки длиннее, чем могут быть у человека. Лица не разобрать, но я и не пытаюсь. Смотреть в лицо тому, кто приходит на третий зов, — плохая идея, не стоит привлекать его внимание. Вместо этого я старательно смотрю в сторону. На рулоны ткани, на стену, на свои пальцы, побелевшие на запястье Кото.

Несчастливая женщина замолкает, когда фигура подходит вплотную. Она просто закрывает рот и стоит. Тень берёт женщину за руку, и они вместе уходят обратно в переулок. Шагов не слышно. Вообще никаких звуков не слышно, словно происходящее мне только кажется.

Через несколько секунд на улице снова резко становится шумно и людно. Кто-то смеётся. Торговец продолжает зазывать покупателей так, словно и не замолкал. Жизнь возвращается на свои места с пугающей лёгкостью.

Я убираю руку. Кото не отстраняется сразу. Сидит неподвижно, глядя туда, куда увели женщину. Потом медленно встаёт.

— Она звала своего сына? — спрашивает тихо.

— Неважно, кого она звала. Важно, что три раза.

— И теперь её нет.

— Теперь её забрали. А те, кто остался, будут говорить, что она уехала к родственникам или внезапно заболела. Через неделю мало кто вспомнит даже её имя.

— А тот, кого она звала? Юто.

— Он останется. Возможно, так и не узнает, что его искали.

Кото молчит. Потом кивает — короткий, взрослый кивок человека, который уже понял больше, чем хотел бы.

— Пойдём, — говорю я. — Нельзя опаздывать к госпоже Судзуки.

Через несколько минут мы на месте. Здесь улицы шире,

дома аккуратнее. Служанка встречает нас у ворот, молча кланяется и ведёт внутрь. В комнатах пахнет сандалом, старой бумагой и чем-то горьковатым — возможно, лекарственными травами.

Я не люблю этот дом. Не люблю запах, не люблю тишину, не люблю то, как здесь всё помнит меня слишком хорошо. Но я прихожу. Потому что Судзуки до сих пор знает больше, чем большинство живых, и потому что когда-нибудь её слово может понадобиться для Кото. Личных причин у меня давно не осталось. Точнее — остались, но они скорее мешают, чем помогают.

Когда мы заходим, Судзуки сидит у окна спиной к свету. Ей уже за шестьдесят, но спина по-прежнему идеально прямая. Когда-то её танцы называли застывшей поэзией. Когда-то я смотрела на неё иначе. Сейчас я кланяюсь ровно настолько, насколько требует этикет, и держу лицо спокойным.

— Аямэ-тян. — Голос наставницы мягкий и безликий, как утренний туман в моём дворике. — Редко балуешь визитами свою наставницу. И ты снова с... ней.

Её взгляд скользит по Кото — как по вещи, которую уже оценивали, нашли недостаточно ценной, и лучше эта вещь не стала.

— Девочка всё ещё у тебя, надо же. Вижу, спину держит лучше. Поклон уже почти правильный. Только глаза по-прежнему слишком открытые. В нашем деле это редко заканчивается хорошо.

— Она учится, Судзуки-сан, — отвечаю я ровно. — И учится достаточно быстро.

Внутри — привычная, давно остывшая неприязнь. Она имеет право судить. Я имею право не соглашаться. Мы обе это знаем и предпочитаем не произносить вслух.

Мы присаживаемся за столик. Служанка приносит чай — дорогой, тот самый, который Судзуки подаёт, когда хочет напомнить о разнице в положении. Я принимаю чашу двумя руками, разворачиваю правильно, делаю глоток. Всё безупречно. Как и должно быть.

— По дороге что-то случилось, — замечает она, глядя на наши лица. — По вашим лицам заметно.

— Женщина на нижней улице, назвала имя трижды.

Судзуки чуть наклоняет голову — жест, который у неё когда-то означал и понимание, и лёгкое разочарование одновременно.

— Второй раз за эту неделю. Город снова не наелся. Говорят, зимой будет ещё хуже. — Она ставит чашу. Движение точное, идеальное, без лишнего звука. — Слышала, у тебя снова неладно с Рин. И столичный гость якобы смотрит в её сторону.

— Откуда вам это известно, Судзуки-сан?

— Когда живёшь достаточно долго, люди сами приносят новости. Иногда даже те, которые рассказывать не следовало. — Пауза. — Ты пришла не пить чай, Аямэ. Ты хочешь понять, как не дать ей себя обойти. Или как обойти её пер-

вой.

— Да.

В этом слове нет ни просьбы, ни тепла, только дело. Она слышит и, кажется, даже находит это уместным.

— Тогда слушай внимательно. Повторять не стану. И пусть твоя девочка записывает — раз уж привела.

Твоя девочка. Судзуки никогда не называет Кото моей ученицей, не хочет признавать её. Что ж, мне не впервой идти против ожиданий своей бывшей наставницы.

— И помни: до Праздника листопада меньше месяца, — добавляет Судзуки. — Рин уже готовится, и ждать тебя она не станет.

Судзуки говорит долго, выбирая слова с прежней точностью. О том, что Рин редко действует своими руками, о том, что её заметили в компании не самых безупречных личностей. Диктует несколько новых правил, которые донесли слухи, и мы с Кото бережно записываем их в свои свитки. Я не доверяю памяти. И никогда не спрашиваю Судзуки, какой ценой она узнала эти новые правила. Это не моё дело, больше нет.

— Если ночью в доме сам погас светильник, до рассвета его не зажигают, — ровно диктует Судзуки, не повышая голоса. — Что бы ни просили из темноты.

Кисть в моей руке не дрожит. Я вывожу строки, а рядом Кото выводит те же, ровно, без помарок.

— Чужеземцу, спросившему дорогу к старому храму, не

показывают и не отвечают. Показавший идёт с ним до конца пути.

Я думаю о столичном госте, но не позволяю себе остановить кисть.

— И в листопад на помосте не наступают на упавший лист. Осень в этом году будет щедрой.

Три строки, три новых запрета, у которых нет объяснений. Говорят, в Городе всего одна тысяча правил, не больше и не меньше. Всегда ли они остаются прежними, сложно сказать. Иногда в чьей-то беде вдруг обнаруживается правило, о котором прежде никто не слышал, и непонятно, появилось оно только что или просто дожидалось своего часа.

Я не знаю ни одного человека, который узнал бы весь список целиком. Аристократы и мудрецы бережно хранят свои знания и просто так ими не делятся. Знания о сложных, редких правилах передаются по наследству и продаются за баснословные суммы. Простые горожане и бедняки обычно знают около сотни самых простых, с которыми сталкиваются каждый день. Большинству этого хватает, чтобы дожить до старости.

Я знаю около трёхсот, и большинство из них мне рассказала Судзуки, каждое с неохотой, будто отдавала что-то своё. Думаю, в её списке около пятиста. Бывает, ходят слухи об искателях и мудрецах, которые узнали больше восьмисот. Но в глаза их никто из надёжных знакомых не видел. Такие люди быстро исчезают.

Мы беседуем уже несколько часов. Служанка несколько раз приносит свежий чай и закуски. Иногда Судзуки отвлекается, отступает от темы и недовольно читает мне лекции. Возраст берёт своё, и острота ума со временем притупляется даже у лучших. Но я не тороплю разговор и не прерываю её. Терпение — первое, чему должна научиться гейша. Второе — вся информация может пригодиться, даже если сейчас это кажется пустой болтовнёй.

Когда наставница произносит имя Кагэхире, моего... покровителя, её голос чуть меняется — почти незаметно, она явно ждёт от меня реакции. Но мне удаётся сохранить спокойствие, не позволяя себе ни одного лишнего движения, я даже не вздрагиваю. Вместо неприятных мыслей о Кагэхире на меня накатывает горькая память о том, как Судзуки когда-то поправляла мне пальцы над чашей, как я сейчас поправляю Кото. Все теплые воспоминания давно перекрыты другими. И я упрямо не даю им снова подняться на поверхность.

— И отдельно для девочки. — Короткий взгляд на Кото. — После заката ничего не поднимай с земли. Ни монет, ни цветов, ни обронённых украшений. Город охотно оставляет приманки тем, кто считает себя достаточно быстрым.

В коридоре, уже у выхода, Кото тихо спрашивает:

— Она ведь никогда не одобрит, что вы меня взяли, да?

— Да. — Я не оборачиваюсь. — Но это не имеет значения.

Нам пора.

Обратно мы идём быстрее. Солнце уже стоит низко, и тени от домов ложатся на дорогу длинными тёмными полосами. Кото хмуро молчит большую часть пути. Только один раз, когда мы проходим мимо закрытых ворот чайного дома, решается:

— Аямэ-сан, а если Рин-сан действительно перетянет советника на свою сторону?

— Тогда нам придётся искать другой путь. Или стать для советника интереснее, чем она. Есть предложения?

В этот раз Кото задумывается надолго.

— Даже не знаю. Рин-сан действительно хорошая гейша. Она танцует лучше всех в городе, это правда. Но, Аямэ-сан, вы ведь умнее неё!

— Умнее, — повторяю я. — Спасибо хоть за это. Только просто умом советника не купишь, у него и своего ума хватает. Он приехал не за этим.

— За чем же?

— Вот и подумай. — Я аккуратно обхожу лужу у края дороги. — Он же из столицы, Кото. Там гейши танцуют не хуже наших. Уверена, он видел десятки потрясающих танцев. Рин для него будет приятным вечером, может несколькими вечерами, но не более. Зачем он здесь, ну?

Кото думает. Мы проходим мимо лавки с углём, приказчик лениво смахивает пыль с мешков.

— Может, ему всё же просто стало скучно в столице? Или он хочет заключить с кем-то союз?

— Нет, столичные чиновники от скуки сюда не ездят. Дорога долгая, а наш город не тот, куда отправляются отдыхать. Для торгового или политического союза наша птичка слишком высокого полёта, лично бы он сюда не поехал, а отправил бы доверенное лицо. — Я говорю тише. — Кто приезжает сюда по делу сам, обычно хочет то, чего нет больше нигде, понимаешь?

— А что у нас есть такого, чего нет... — Кото осекается и смотрит на меня. — Правила, да?

— Других вариантов нет.

— Но зачем они ему? Они же только хуже делают. И их же никто не расскажет чужому. Госпожа Судзуки говорила, что мудрецы...

— Мудрецы не расскажут. И чиновники тоже. Но ведь необязательно спрашивать у них, верно? Гейши имеют много полезных знакомств, много что слышали в чайных домах и ночной тишине — мало кто из мужчин воспринимает всерьёз красивую девушку. Рин за золото и покровительство расскажет ему что угодно.

— И Вы тоже хотите ему рассказать?

— Я хочу, чтобы он понял, что я знаю больше. И хочу узнать больше от него. Зачем ему просто Правила, Кото? За

пределами нашего города они пустой звук. Нет, он ищет что-то ещё. И я должна узнать что именно.

Кото снова молчит дольше, чем следует.

— Это опасно, Аямэ-сан. Кто-то из тех, кто узнаёт слишком много, исчезает.

— Поэтому я и не буду отдавать всё сразу. — Выходит суше, чем я хотела. — Ему нужно показать, что со мной выгоднее, чем без меня. Вот только показать пока особо нечего.

— Я могла бы разузнать, что именно он ищет. Спросить у его слуг...

— Нет! — Я вижу, как Кото вздрагивает, и добавляю уже спокойнее: — Этим займусь я сама. Или попрошу Исао. Ты уж точно никуда не пойдёшь.

Кото кивает. Спорить она не пытается, но губы на секунду сжимаются в линию. Но я знаю, что она ещё не отказалась от этой глупой идеи. Надо будет внимательнее за ней присматривать.

Дальше мы идём молча.

Монету я замечаю уже почти у нашего переулочка. Она лежит посреди дороги — крупная, золотая, и слишком заметная, чтобы её просто обронили.

Я останавливаюсь.

Напоминаю себе, что такие предметы могут быть опасны. Но ведь могут быть и полезны...

Какое удачное совпадение, что монета лежит здесь именно сегодня. Подозрительно, правда? В другой день я бы точ-

но прошла мимо. Но сейчас у Рин на доске всё расставлено, а у меня в руке пусто.

Смотрю на небо, потом на монету. Потом снова на небо. Я знаю правило. Судзуки повторила его сегодня для Кото, но я записала его в свиток много лет назад. После заката — не поднимать. Но солнце ещё касается крыш. Ещё светло.

Подумав ещё мгновение, наклоняюсь и поднимаю. И сразу застываю и жду. Не знаю чего именно, что кто-то схватит меня и утащит, что рука заболит, что земля уйдёт из-под ног. Но ничего не происходит. Только чувствую горячий металл металл у себя на ладони, будто его держали только что. И лёгкий запах — сухая трава и что-то сладкое, почти цветочное. Я медленно выдыхаю и быстро прячу монету в рукав. Не ошиблась.

Кото лишь ошеломлённо смотрит на меня, расширив глаза.

— Ещё светло, — говорю я.

Да уж, я редко на такое решаюсь.

Исао открывает ворота, едва мы приближаемся. Пропускает, закрывает. У порога его взгляд на мгновение останавливается на моём рукаве — и я понимаю, что в этот раз он решил не оставаться дома.

Интересно, почему же.

— Вы долго, Аямэ-сан. Что-то случилось?

— Ничего стоящего внимания, Исао-сан. Обычная жизнь

нашего города.

— Как прошла встреча с госпожой Судзуки? Как её здоровье?

А то он не знает. Но упрямо делает вид, что его там не было, — и делает это с таким невозмутимым лицом, что поневоле начинаешь сомневаться в собственной памяти. Я не настаиваю. Исао всё равно не признается — он умеет быть незаметным, когда хочет, и совершенно неотступным, когда считает нужным.

— Госпожа Судзуки в добром здравии, — говорю я. — Поклонов не передавала.

Пауза.

— Рад слышать, — отвечает он так же ровно.

Он стоит у порога, пока я не вхожу в дом.

— Отдыхайте, Аямэ-сан.

— И ты, — говорю я, не добавляя больше ничего.

Ночью, когда дом затихает, я сажусь за стол в комнате для письма и достаю монету. При свете она кажется тусклее, чем была на улице. Странная — ни надписей, ни изображений, только тонкие разводы, похожие на следы пальцев.

Я долго смотрю на неё, пытаюсь вспомнить, в какой именно момент солнце ушло за край крыш. Помню, как смотрела вверх. Помню, как наклонилась. А промежуток между этими движениями будто вырезан — но солнце ещё не должно было сесть, оно бы не успело.

Я кладу монету в шкатулку, сыплю сверху щепоть соли и закрываю крышку. Потом разворачиваю свиток с правилами и пересматриваю записи — те, что сегодня сказала Судзуки, и ту, которую я уже знала, но всё равно чуть было не нарушила. Шесть новых за один день.

С каждым годом их становится всё больше. Интересно, сколько из тысячи я успею собрать, прежде чем наступит мой черед.

Я смотрю на крышку шкатулки дольше, чем нужно, потом гашу светильник. Нет смысла переживать о том, на что не можешь повлиять.

Но утром первым делом я проверю, на месте ли монета.

Глава 2

Я просыпаюсь раньше, чем свет успевает набрать силу.

Лежу ещё мгновение, позволяя себе поморщиться в темноте. Опять ранний подъём, да что ж такое. Сегодня никаких дел, я вполне могла бы спать до обеда. Но сон упорно не возвращается. Ворочаюсь, недовольно хмурюсь в подушку и долго уговариваю себя встать.

Да, именно в подушку. Это одна из радостей, которые я позволила себе, когда обзавелась собственным домом. Обычно гейши спят на деревянных подставках, чтобы не испортить причёску, над которой мастера трудятся долго и которая должна продержаться несколько дней.

Будучи майко, я тоже прошла через эту пытку. О, духи, как же я её ненавидела! Больше двух лет ушло на то, чтобы научиться спать в нужной позе и не мучиться потом целый день от головной боли, а каждый сбитый локон Судзуки ещё и сурово меня наказывала. К счастью, в нашем городе, помимо опасных правил, есть и преимущества. Например, мастера, которые гораздо лучше столичных. А ведь гейши в других городах вынуждены спать так всю жизнь, какой кошмар. Мне же причёску приходится делать заново перед каждым выходом, зато шея благодарна.

Кото повезло: я сама слишком ценю хороший сон, чтобы мучить его отсутствием свою ученицу, ясный ум куда важ-

нее. Кото в своё время пришлось спать на подставке лишь несколько месяцев, ровно столько, чтобы оценить, насколько приятнее быть прилежной и послушной ученицей. Хотя, наверное, после голой земли даже деревянная подставка показалась ей раем. Потеряла она немного. В отличие от меня когда-то.

Снова вздохнув, я все же встаю. Лучше заняться делами, чем тратить утро зря.

Умываюсь холодной водой, накидываю простое утреннее кимоно и выхожу в коридор босыми ногами. Пол под ступнями прохладный, знакомый.

Сначала обхожу дом.

Это привычка, от которой я не отказываюсь в дни, когда торопиться некуда. Проверяю сёдзи в приёмных комнатах — не перекошились ли, не скопилась ли пыль в стыках. Заглядываю в кладовую с чаем и благовониями. Смотрю, чтобы вчерашние цветы в нише были убраны и вода не застоялась. Мелочи. Именно мелочи выдают дом, в котором хозяйка перестала следить.

Найденную вчера монету я беру из шкатулки заранее, пока дом ещё не проснулся. Соль не тронута, уже хорошо. Заворачиваю монету в платок и несу во двор.

Исао сидит у колодца, как всегда в это время — он всегда встаёт с рассветом, не давая себе послаблений. Снова чинит ручку у ведра, хотя ведро давно стоило бы вообще заменить. Затягивает новую верёвку резкими точными движе-

ями, изо рта у него идёт пар. Холодная осень у нас всегда наступает резко, без предупреждения.

— Исао, мне нужно, чтобы ты кое-что выяснил, — говорю я, протягивая ему сверток с монетой. — Я нашла это вчера нашла на дороге у нашего переулкa. Надо узнать, что это, может ли быть полезным. Подобные находки не бывают обычными.

Мужчина хмуро поднимает на меня взгляд, осторожно принимает свёрток и разворачивает платок, не касаясь монеты пальцами, будто я подсунула ему ядовитое насекомое, а не кусочек золота. Осматривает со всех сторон, потом даже подносит к лицу и принюхивается, как собака.

— Ни рисунков, ни насечек. Такой не рассчитаешься, ни один торговец её не возьмёт. — Он хмурится. — Странно. Что это за запах? Соль?

— Соль.

— Вы боялись. — В голосе слышится укор. — Надо было сразу отдать её мне. А лучше вообще не прикасаться.

— Я была осторожна.

— Это не одно и то же, Аямэ-сан. — Он заворачивает монету обратно в ткань. — Это я заберу.

Он не спросил, можно ли. Я замечаю это и откладываю в сторону: он всегда так говорит. Спорить с Исао в такие минуты так же бесполезно, как со стеной, скорее стена сдастся.

— Я просила узнать, а не забрать.

— Узнаю. Но у вас ей быть не стоит. Вещь, которую город оставил на дороге, обычно не потеряна, а подложена.

— Это может быть и просто старая монета.

— Может и так. Тогда вы ничего не потеряете. — Он убирает свёрток за пояс. — На прошлой неделе в соседнем квартале какой-то дурень подобрал золотой кувшин. Как думаете, что с ним стало?

— Думаю, он продал кувшин за хорошие деньги.

— Его поглотило. В кувшин. Медленно. Кровь долетела до верха крыш, и это всё, что от бедолаги осталось. Крики на всю округу были слышны. — долгий, пристальный взгляд мне в глаза. — Днём, Аямэ-сан, солнце было высоко. Не рискуйте. Если вам приглянётся ещё одна безделушка на улице, сначала позовите меня.

Я тихонько сглатываю. Да уж, Исао умеет объяснять доходчиво. Какая ужасная смерть...

Мысленно делаю пометку позже дописать в свиток «не подбирать кувшины». Хотя со мной же ничего не случилось. Монета не кувшин, в неё не залезешь. Правда? Или я просто так себя успокаиваю.

— Хорошо, Исао. Я буду осторожнее.

Он кивает, но не уходит сразу. Смотрит на ведро у своих ног, потом на меня.

— Вы сегодня никуда не идёте?

— Нет. Сегодня никаких дел. — Выходит почти весело.

— Впервые за неделю.

— Хорошо. Тогда я могу быть спокоен. — Он говорит это так, будто ставит точку.

Но не уходит. Ещё несколько мгновений стоит, глядя на колодец, на ведро, на пар, поднимающийся над водой в холодном воздухе. Я не тороплю. С Исао так бывает: молчание у него никогда не пустое, он просто аккуратно подбирает слова.

Потом он коротко кланяется и молча идёт к воротам. Шагов почти не слышно. У калитки он останавливается, проверяет засов, хотя засов в порядке, и только после этого выходит на улицу.

Я остаюсь одна, недоумённо смотря ему вслед. Хоть бы попрощался. Ведро же так и стоит с недотянутой верёвкой, узел торчит в сторону. На Исао это совсем не похоже: он не бросает работу на середине. Я подхожу, поправляю узел и затягиваю его сама. Пальцы быстро мёрзнут, получается медленнее, чем у него, но вроде держится.

Сакура роняет лепесток в воду колодца. Он остаётся плавать на поверхности и тонуть не спешит. Я засматриваюсь на него, вытирая руки о рукав. Ладно, ну хочет Исао ходить вечно хмурым, его право, мне то что, я уж точно ничего плохого не сделала. Из кухни потянуло тёплым свежим рисом, и желудок напоминает, что не все заботы стоит решать натошак. Веселить хмурых мужчин голодной уж так точно.

Иду завтракать.

На кухне пахнет рисом ещё сильнее. Старшая служанка,

О-Хана, кланяется коротко и без лишних слов: она здесь давно и знает, что пустую болтовню прислуги я не одобряю. Я киваю в ответ, беру миску и присаживаюсь за столик. Ем быстро, без церемоний. Утро хозяйки дома не похоже на утро гейши перед гостями.

Пока ем, думаю о Кагэхире.

Он не присылал вестей уже больше трёх недель. Для него это может значить что угодно: занятость, недовольство, простую прихоть. На мгновение допускаю мысль, что его и город мог забрать, любой же может ошибиться, в том числе такой предусмотрительный человек, как Кагэхира. Я даже глупо застываю с палочками во рту, решая, обрадовалась ли бы я такому исходу или нет. С одной стороны, я наконец стала бы свободной. С другой, сейчас его смерть была бы совсем некстати: до праздника так мало времени, а искать нового покровителя в мои планы не входит. Поэтому я не позволяю себе ни надеяться, ни тревожиться раньше времени. Есть дела важнее. Например, этот приезжий советник.

Гости из столицы бывают у нас нечасто. Обычно они приезжают с проверкой, с поручением, с бумагами. Их принимают в верхнем квартале, они пьют чай с градоначальником, подписывают что нужно и через неделю уезжают, не спускаясь ниже второго яруса. Были и такие, кто пытался: пара особо смелых, вообразивших себе несметные местные сокровища, сунулась в нижние кварталы, и больше их никто не видел. Но этот — Морианага Тэцуми — ведёт себя иначе. Он

ходит по чайным домам. Он слушает. Он задаёт вопросы, которые не входят в его обязанности. И, что хуже всего, он всё ещё не уехал.

Морианага Тэцуми... Несколько раз пробую его имя на языке. Интересно, как оно пишется. Имена важны, они многое говорят о человеке, и относиться к ним легкомысленно не стоит. ейши, например, вообще не носят имя рода: это знак кровной семьи, а гейша, вступая в профессию, символически «умирает» для неё и рождается заново в чайном доме. Первое имя ей даёт наставница, когда девочка становится майко. Своё я получила от Судзуки. Второе гейша выбирает сама.

«Аямэ» значит «ирис». Ирисы цветут в сезон дождей, когда другие цветы никнут под тяжёлыми каплями, а ирис становится только ярче и крепче. «Рин» это ледяная гордость и достоинство. Первого у неё в избытке, а вот второго недостаёт.

У советника имя тоже интересное. «Мори-нага» может значить и «вечный лес», и «тот, кто долго удерживает власть». «Тацуми» это юго-восток, направление между Драконом и Змеей: дипломатия, торговля, слухи, умение договариваться. А ещё переход, перемена, скрытая сила. Хмыкаю себе под нос: отличное имя для столичного лиса, который приехал сюда что-то вынюхивать.

Впрочем, имя это всего лишь имя. Важнее другое: если советник ищет опору среди местных, Рин постарается стать

этой опорой первой. А на Кагэхиру рассчитывать не приходится.

До праздника листопада меньше недели. К празднику город всегда перестраивается: кто-то поднимается, кто-то исчезает. Если Рин успеет показать советнику, что она та, с кем стоит говорить, я окажусь в тени. А в тени долго не живут.

Я доедаю рис и ставлю миску на край стола. Из дальних комнат доносятся осторожные звуки струн: кто-то разминается тихо, стараясь не тревожить дом. Я прислушиваюсь. Строй верный, значит, это не служанка. Значит Кото, она всегда просыпается без напоминаний, у Исао научилась.

Я иду в свои комнаты, и звук становится ближе. Кото уже сидит у сямисэна.

Она не ждала разрешения. Просто начала разминку струн — тихо, чтобы не тревожить дом. Я останавливаюсь в проходе и слушаю. Строй верный. В третьем такте по-прежнему чуть спешит, но меньше, чем раньше.

— Не останавливайся, — говорю я.

Она вздрагивает только плечами и продолжает. Я сажусь чуть в стороне, не мешая. Музыка без зрителя всегда честнее. Когда появляется слушатель, появляется и желание понравиться — а оно убивает звук.

Мы занимаемся недолго. Я поправляю посадку руки, напоминая про дыхание между фразами. Кото принимает замечания коротко, без обид. Она уже понимает разницу между упрёком и работой.

Занятия обрывает появление Исао. Интересно, куда он тогда исчез утром?

Он не входит в комнату — останавливается у порога, как всегда. Небрежно кланяется.

— Аямэ-сан. Сегодня в «Сосне» будет управитель восточных кварталов. Рин пришла с рассвета. Заняла восточную комнату. Говорят, готовит для него особый танец.

Пауза.

— И советник из столицы тоже там будет.

Я медленно опускаю руку с грифа.

— С рассвета?

— Да. Привезла своих людей.

Значит, не случайность.

Меня туда никто не звал, разумеется. Рин позаботилась об этом: ни записки, ни слова, ни намёка. Если бы я хотела быть там, мне следовало бы узнать заранее. Что ж. Значит, придется идти без приглашения, нельзя пропускать такие беседы.

— Помоги мне собраться, — говорю я Кото. — Так, как подобает дневному визиту, без лишнего, у нас мало времени.

Сборы проходят быстро. Кото работает молча и сосредоточенно. Я сижу неподвижно, пока она укладывает волосы и поправляет ткань. В зеркале моё лицо выглядит спокойным. Это хорошее лицо. Оно умеет не выдавать, сколько внутри расчётов и планов. Кагэхира любит, когда я прихожу к нему в тяжёлых, вычурных дорогих вещах. Но сейчас я выбираю

другое — сдержанное, точное. Если столичный советник и правда там, он должен увидеть не просто красивую вещь при чём-то покровительстве, а женщину, с которой имеет смысл говорить. Чью голову можно использовать, чьи слова стоит запоминать.

Потом я быстро помогаю собраться и Кото. С ней проще, она всего лишь майко и будет ждать меня в общей зале, я не беру её в частные комнаты, где каждое слово как танец на острие иглы, а неправильный взгляд может порвать нить, удерживающая тяжелый меч над твоей головой. Ещё рано выпускать мою птичку в свободный полёт. Может, в следующий раз.

«Сосна» встречает нас запахом хорошего дерева, нагретого саке и чужих духов. Дневной час. Гости ещё не в том состоянии, когда теряют осторожность, но уже достаточно ослаблены, чтобы говорить чуть больше нужного.

В главной зале нас встречает хозяйка — женщина с усталым лицом и цепкими глазами.

— Аямэ-сан. — Длинная, недовольная пауза. — Мы вас не ждали.

— Знаю. Проводите меня к господину Огате. Уверена, он будет рад меня видеть, вы так не считаете?

Она недовольно кривит лицо, но не решается спорить. Правильно, лучше не портить со мной отношения ради мимолетной благодарности Рин, Сосне не нужны скандалы. Хо-

хозяйка ведёт меня не через главную галерею, а в обход — через внутренний дворик, мимо закрытых сёдзи, где слышны голоса. Я считаю повороты. Три налево, один направо. Потом мы останавливаемся у низкой двери. Хозяйка стучит. Ждёт. Открывает.

Восточная комната.

Глава 3

Первой я вижу Рин. На её лице ещё блуждает мягкая, почти тёплая улыбка, и блуждает ровно до тех пор, пока взгляд не находит меня.

Господин Огата, управитель восточных кварталов, приподнимает густые брови и, к моему удивлению, даже поднимается навстречу. Широкий, неторопливый, под шестьдесят, с лицом человека, которому давно не перед кем ничего доказывать. Он помнит меня с тех пор, как я, тринадцатилетняя ученица, дрожащими руками разносила его гостям чай.

Это радушие напускное, разумеется, представление для столичного гостя. Для Огаты я не более чем ветка сакуры: пока цветёт и пахнет, радует глаз на банкете, а увянет, так её выбросят и сорвут новую.

— Аямэ-сан, давненько мы не виделись! — сколько сладости в голосе, удивительно. — Вот так сюрприз. Рин-сан, а вы ведь говорили, что ваша драгоценная сестрица сегодня занята?

Рин возвращает лицу безупречную маску и улыбается без малейшей заминки:

— Мне так казалось. Должно быть, я перепутала дни.

Я кланяюсь управителю ровно настолько, чтобы показать линию шеи и не выглядеть просительницей.

— Господин Огата. Сегодня утром ветер положил мне на

порог красный кленовый лист, и я вдруг вспомнила, как давно не имела чести кланяться вам. Осень коротка, а добрые знакомые, как известно, дороже листьев.

Придаться не к чему: это долг вежливости. На самом деле Рин рассчитывала, что я узнаю обо всём к вечеру, когда всё уже решится. Не приди я сегодня, советник увидел бы только её.

— Ветер бывает капризен, — мягко замечает Рин. — Он не всегда приносит туда, где ждут.

— Ветер лучше знает, куда дует, Рин-сан, — отвечает Огата, и по его лицу видно, что он доволен: выставить вежливую гостью за дверь неприлично, а наблюдать, как две женщины делят комнату, гораздо интереснее. — Присаживайтесь с нами, Аямэ-сан.

Напротив управителя сидит человек, которого я вижу впервые.

Моринага Тацуми.

Он выглядит именно так, как и должен выглядеть высокопоставленный столичный советник, прибывший в провинцию по делам, а не ради забав: сдержанно, дорого, без местной пышности.

— Аямэ-сан. Рад с вами познакомиться.

К моему удивлению, он гораздо моложе Огаты. Сколько ему? Тридцать? Тридцать пять? Слишком молод для советника, интересно, как же он получил такой высокий пост.

Спокойный голос. Нечитаемый, пугающе цепкий взгляд.

Он не разглядывает узоры на моем шелке, а смотрит прямо в лицо, словно читает мысли.

— Это честь для меня, господин советник, — я глубоко кланяюсь в ответ. — Надеюсь, наш скромный город не слишком утомляет вас после блеска столицы?

Моринага чуть поднимает брови:

— Утомляет другое. Здесь... куда интереснее. В столице слишком много предсказуемого.

Я плавно опускаюсь на татами. Рин не делает ни одного резкого движения, но воздух между нами густеет. Вместо того чтобы взять кувшин, она слегка поводит веером, указывая служанке, куда поднести мне чашу. Жест хозяйки положения.

— Как приятно, что вы всё-таки нашли для нас время, Аямэ-сан, — в её голосе звенит искренняя радость. — Мы так редко видим вас при солнце. Дневной свет вам на редкость к лицу.

— Благодарю, Рин-сан, — я принимаю чашу из рук служанки, коснувшись пальцами края. — Дневной свет куда честнее вечернего. При свечах слишком легко принять подделку за чистый нефрит.

— И то правда, — Рин согласно наклоняет голову, ни на секунду не теряя улыбки. — Впрочем, вам ли не знать толк в подлинных ценностях. Говорят, ваша новая ученица делает поразительные успехи. Кото, кажется? Такая очаровательная девочка.

— Она старается не разочаровать тех, кто в неё поверил.

— Это так благородно с вашей стороны, — продолжает Рин, и её глаза лучатся неподдельным теплом. — Пригреть дитя с глухих нижних улиц и дать ей шанс, приличный дом. Многие бы побоялись вводить такую кровь в наше ремесло. Это требует... отчаянной смелости.

— Обычная практичность, Рин-сан, — я делаю крошечный, едва заметный глоток, позволяя напитку согреть губы. — Из сорной травы порой вырастают самые стойкие цветы. У них корни крепче тех, что выращены в холе и неге.

Рин едва заметно прищуривается. Намёк на её собственное происхождение попал в цель.

— Рин-сан, ваше саке остывает, — не поворачивая головы, замечает господин Огата. Его тон будничен, но в глазах пляшут смешинки.

— Простите мою оплошность, господин управитель, — Рин изящно тянется к фарфоровому кувшинчику, возвращая себе маску идеальной покорности.

Управитель кварталов же выглядит весьма довольным происходящим. Он наблюдает за нами с легким пресыщенным любопытством хозяина, который стравил своих породистых кошек на одном заборе и теперь гадает, чьи когти окажутся острее.

До сих пор Морианага лишь слушал. Теперь он чуть склоняет голову, и в уголках его губ появляется улыбка человека, который тоже решил немного поразвлечься.

— Сорная трава, — повторяет он. — В столице садовники тоже о ней спорят. Большинство считает, что её лучше выпалывать, пока не отняла соки у цветов. — Взгляд скользит по мне вежливо, но без особого интереса, как по красивой вазе. — Впрочем, у вас, в провинции, вероятно, свой взгляд на сады.

Рин принимает это за снисходительность к сопернице. Улыбка у неё становится чуть шире.

— Садовник, который выпалывает всё подряд, рискует остаться без лекарств, господин советник, — спокойно отвечаю я. — Иногда и самый невзрачный корень пригождается в тот день, когда лечить больше нечем.

Ох, знала бы я тогда, насколько точно попала в цель, уж лучше промолчала бы.

— Вот как. — Теперь Моринага смотрит на меня внимательнее, чем прежде. Огата заинтересованно перестаёт жевать.

— Всякому корню нужна хорошая почва, Аямэ-сан, — произносит Огата. — Как поживает господин Кагэхира? Давно не видел его за этим столом.

— У него сейчас много забот, господин управитель.

— Передайте ему, что за моим столом для него всегда оставлено место. Хотя места, как известно, не вечно остаются свободными.

Предупреждение, мягкое, как шёлк, в котором лежит иголка. Советник слышит и чуть откидывается назад.

— Ах, один из городских корней, похоже, растёт без при-
смотра, — замечает Морианага. — Любопытно. И что же он
лечит?

— Незнание, господин советник. В наших краях от него
умирают куда чаще, чем от застарелых болезней.

Радужная улыбка несколько холодеет. Морианага явно
оценивает этот ответ, но вместо того, чтобы продолжить
светскую беседу, аккуратно опускает чашу на подставку и за-
говаривает совсем о другом — осторожно, прощупывая поч-
ву, как человек, ступающий на зыбкий прибрежный песок:

— До столицы доходят странные слухи о здешних местах,
Аямэ-сан. Говорят, на ваших улицах чужеземцу легко заблу-
диться, даже если он идет при свете дня. Будто у этого города
есть... свои невидимые границы. И свои неписанные законы,
о которых не расскажут стражники у ворот. К примеру, ес-
ли путник спросит дорогу к старому храму, здешние жители
лишь покачают головой и пройдут мимо. Из чистого друже-
любия, разумеется. Чтобы гость случайно не наступил на то,
что должно оставаться в тени.

Он перечисляет это мягко, почти небрежно, словно рас-
суждает об особенностях местной погоды.

Но у меня под рёбрами проходит леденящий холод. Кра-
ем глаза я замечаю, как каменеют расправленные плечи Рин.
Она выросла в этих кварталах и прекрасно знает подногот-
ную города, но явно не ожидает, что столичный чиновник
окажется настолько осведомлен. И уж тем более — что он

заговорит об этом вслух так прямо.

Мы с Рин ненавидим друг друга до дрожи в пальцах, но сейчас, перед лицом этого опасного чужака со столичными амбициями, между нами проскакивает мгновенная, почти животная искра согласия. Городские тайны — это то, что кормит нас обеих. И если Морианага начнет копать слишком глубоко и неосторожно, под обломками может погрести и её, и меня.

— Господин советник так внимателен к нашим провинциальным притчам? — я удерживаю голос ровным, не позволяя ни единой интонации выдать мое замешательство.

— Я внимателен к тому, что помогает избежать... досадных происшествий, — Морианага смотрит на меня в упор, и его взгляд становится пугающе проницательным. — Мне говорили, что в городе есть люди, которые умеют читать знаки судьбы чуть лучше остальных. И что они очень бережно хранят то, о чем другие предпочитают поскорее забыть.

Рин чувствует, как разговор уходит в опасное русло, и поспешно вмешивается. Её приторный смешок звучит безупречно, но глаза остаются холодными:

— Ах, господин советник, наша Аямэ-сан действительно бывает излишне... наблюдательна. Она так часто всматривается в чужие тени, что порой видит скрытый умысел даже там, где упал обычный сухой лист. Это её маленькая, очаровательная слабость. Мы все в чайных домах любим собирать чужие секреты. Впрочем... — Рин плавно ведет веером, и

шелковое полотно на мгновение указывает на столик Мори-наги. — В наших краях секреты стоят дорого не потому, что мы жадны. Просто тот, кто по-настоящему желает узнать до-рогу к старому храму, обычно предлагает проводнику нечто большее, чем просто вежливые расспросы. Без весомого под-ношения духи города... глухи к чужеземцам.

Вот же дрянь с сердцем змеи!

Господин Огата, до этого лениво катавший в ладонях ча-шу с вином, вдруг шумно опускает её на лакированный стол. Звук негромкий, но мы с Рин одновременно замираем. Ога-та выпрямляется, и вся его вальяжная провинциальная мяг-кость слетает в один миг. Глаза хозяина восточных кварта-лов сужаются.

— Твои духи, Рин-сан, может, и глухи, — веско, с тяже-лым смешком роняет Огата, и в его голосе отчетливо про-ступает металл власти. — Но я в своем ведомстве глухоты не потерплю. Господин советник прибыл из столицы не для того, чтобы разгадывать загадки глупых девиц из чайных до-мов. Морианага-сама, не слушайте их. Мои люди знают каж-дый камень на Верхнем ярусе. Если вам нужна дорога к ста-рому храму — вам укажут её мои стражники. Прямую, ши-рокую и совершенно безопасную. Без всяких... тайных про-водников.

Он бросает на Рин короткий, предупреждающий взгляд, от которого у неё на секунду замирает дыхание.

В глазах Морианаги вспыхивает жадный, хищный интерес.

Столичный лис явно ожидал, что найти здесь нужные сведения будет трудно, даже если он готов платить за них чистым золотом. А тут местные торговцы секретами сами устроили грызню прямо у него под носом, какая удача.

Советник медленно переводит взгляд на меня. На его губах всё ещё играет вежливая улыбка, но я кожей чую скрытую насмешку. Настает моя очередь предлагать цену, и Моринага откровенно сомневается, что скромная артистка способна быть полезнее, чем целый управитель кварталов.

Я медлю долю секунды, взвешивая, стоит ли пытаться ловить стрелы на лету. Да, за моей спиной стоит Кагэхира. Но если я прямо сейчас ввяжусь в открытую ссору с Огатой, Кагэхира будет в бешенстве. За эту дерзость мне придется платить непомерно дорогую цену. С другой стороны — а есть ли у меня выбор? Сдать назад — значит подарить советника Рин. Убить меня управитель здесь точно не решится. А от покровительства Кагэхире мне всё равно давно пора избавиться. Я уцеплюсь за эту паутинку, даже если она порежет мне пальцы.

Я подхватываю игру. Удерживая на губах безупречную, застывшую улыбку, бью наотмашь — мимо Огаты, прямо в Моринагу:

— Господин управитель совершенно прав, — произношу я и плавно пригубливаю sake. Напиток обжигает горло, возвращая мыслям кристальную ясность. — Наши стражники отлично знают торные дороги. Вот только тот, кто привык

ходить лишь при ярком свете факелов, часто слеп в сумраке. А его в нашем городе достаточно, и он надежно бережет чужие секреты. Будьте осторожны, господин советник, на здешних улицах легко оступиться. Впрочем, люди господина управителя наверняка позаботятся о вас, осветив любой темный переулок.

Рин едва заметно ведет плечом, а Огата медленно поворачивает ко мне голову. Его густые брови ползут вверх.

— И что же, по-вашему, случится с секретами, когда этот сумрак рассеется, Аямэ-сан? — Морианага подается вперед, полностью игнорируя тяжелое, недовольное сопение управителя.

— Они исчезнут, господин советник. Разве можно разглядеть очертания тумана, когда взошло солнце? Тот, кто ждет рассвета, чтобы раскрыть тайны темноты, опоздает. Но раз уж свет факелов слепит приезжих в наших переулках... возможно, вашим глазам способно помочь проверенное средство?

— И какое же? — Морианага слегка наклоняет голову. В его голосе звучит откровенный вызов.

— Дикие травы, господин советник. Те, что исцеляют сумеречную слепоту. Они цветут в самых глухих расщелинах, вдали от чужих глаз, и открывают свою силу лишь тому, кто проявит долгое, глубокое терпение. Они рождены в тайне и знают тайны.

— И где же мне купить эти травы? — он ждет, на каком

именно слове я оступлюсь.

Я выдерживаю его взгляд. Огата рядом замер, его тяжелая ладонь застыла на столе — кажется, он готов раздавить меня за малейшую оплошность. Рин затаила дыхание.

— Что вы, господин советник, — я едва заметно качаю головой, будто искренне удивленная самой мыслью о торге. — Дикие цветы не продают на рынках. Они цветут лишь там, где земля укрыта от полуденного зноя. Но стоит начаться столичной буре — и хрупкие стебли притопчут копыта коней вашей свиты. Таким цветам не нужно золото. Им нужна надежная, сильная тень. И защита от внезапных местных гроз — чтобы тот, кто собирает для вас лекарство, не погиб под градом.

В комнате повисает оглушительная тишина. Я только что попросила у столичного советника личного покровительства и защиты от местной управы.

Огата тяжело, шумно дышит рядом. Но придаться к поэтичным словам о «диких травах и граде» на банкете — значит сдать позиции и расписаться в собственной слабости перед какой-то женщиной. Он промолчит.

Мориана несколько секунд молчит, изучая мое лицо, словно взвешивает каждый оттенок моего голоса на невидимых судебных весах. Наконец, он негромко произносит:

— Защита от местных гроз, значит... — В его глазах я вижу понимающий блеск. — Что ж. Мудрому садовнику всегда нужна верная рука, способная отличить яд от лекарства.

Огата-сан, ваши кварталы определенно стоят того, чтобы задержаться здесь подольше. Тут умеют ценить... редкие вещи. Пожалуй, мне нравится эта поездка.

Рин возвращает веер на колени, и я вижу, как побелели её пальцы, судорожно сжимающие бамбуковые спицы. Она в бешенстве, но решает вернуть себе внимание гостя, переводя разговор на менее опасную тему. Её голос звенит от напряжения:

— Господин советник, после трапезы я хотела бы поднести вам подарок — танец, который разучивала долгие недели. Он называется...

— «Падающий лист у храмовых ворот», — мягко заканчиваю я за неё. Портниха, шьющая её алое кимоно, живёт в моём квартале и любит поболтать за шитьём.

— Да, — голос Рин становится ледяным и сухим. — Именно так.

— Пленительное название, — Морианага едва заметно улыбаётся уголками губ. Он прекрасно видит эту вспышку ненависти между нами. — Однако мне хотелось бы сравнить два разных стиля. Может, Аямэ-сан согласится украсить этот вечер своим искусством вслед за вами?

Пальцы Рин на шёлковом подоле судорожно сжимаются, сминая дорогую ткань. Её худший кошмар сбывается.

— Это великая честь, господин советник, — я склоняюсь, касаясь ладонями татами. — Однако дикий цветок, сорванный раньше срока, быстро теряет свой аромат. Мои мысли

сейчас слишком тяжелы, а струны сямисэна не терпят фальши. До Праздника листопада я храню тишину. Позвольте мне пока исполнять иную, не менее важную роль.

— И какую же?

— Роль внимательного слушателя. Искусство гейши заключается не только в том, чтобы услаждать взор, но и в том, чтобы разделять тишину с мудрыми людьми.

Морианага смеётся — коротко, негромко, но абсолютно искренне. Этот ответ пришёлся ему по душе.

А вот Огата не смеется, взгляд его прищуренных глаз обещает мне скорую расплату за устроенный здесь бунт. Ему нравится, что я щелкнула Рин по носу, но его собственное уязвленное самолюбие требует крови. В воздухе отчетливо пахнет грозой.

— Вы интересная женщина, Аямэ-сан, — негромко произносит Морианага, качнув чашу с вином.

— Я всего лишь скромная гейша, господин советник. Быть интересной — это часть нашей работы.

Именно тогда я наконец замечаю человека в углу.

Он сидит так тихо, что до сих пор казался просто частью интерьера.

Всё это время никто из присутствующих даже не смотрел в его сторону. Кто он такой? Слуга? Писец? Охранник?

Молодой с виду, в простом тёмном кимоно из грубого шёлка, без украшений. Лицо правильное, симметричное — и мёртвое в своей безупречности. Перед ним лежит чистый

свиток, он ничего не записывал. Он не прикасается к сакэ. Не берёт угощений. Его взгляд не блуждает по комнате. Он просто сидит, словно кукла, застывшая в углу татами.

Теперь я чувствую его присутствие — как сквозняк из невидимой щели или могильный холод от старой каменной стены.

Когда наши взгляды пересекаются, я вижу его глаза. Совершенно пустые. В них нет ни человеческой злобы, ни шпионского любопытства. Он смотрит на меня так, как смотрят на... скот. Спокойный, фиксирующий взгляд мясника, прикидывающего вес туши перед ударом.

Я отвожу взгляд первой — усилием воли, не позволив плечам вздрогнуть.

Моринага не упускает этого мимолетного движения. На его лице на мгновение проскальзывают раздражение и... страх? Ого, а вот это уже очень странно. Он небрежно кивает в сторону угла:

— Вы заметили моего спутника, Аямэ-сан?

— Заметила, господин советник, что ваша канцелярия обходится без вина.

— Он не пьёт. И не ест. Это его... личная особенность, — Моринага задерживает на мне взгляд чуть дольше обычного, словно пытается прочесть по моему лицу, поняла ли я о его слуге что-то такое, чего не знает он сам. На его губах играет едва заметная, жесткая усмешка. — Сухому дереву не нужна влага, чтобы оставаться крепким.

— Крайне полезная особенность, — я заставляю себя сохранять внешнее спокойствие. — В нашем ремесле умение обходить стороной лишние соблазны ценится на вес золота.

— Вы правы, — роняет Морианага, и в его голосе сквозит глухое, глубокое недоверие к существу за своей спиной. — Но не только в вашем.

Он не развивает мысль, а я не совершаю глупость, задавая вопросы. Рин растерянно переводит взгляд с меня на советника, тщетно пытаюсь разгадать суть нашей беседы. Она вообще не принимала в расчет безмолвную фигуру в углу до этой минуты, а теперь этот незнакомец, который явно тяготит самого столичного гостя, неуловимо меняет весь баланс сил в комнате.

— Господин советник, — мягче и почти извиняясь, вклинивается Рин. Её трясет от злости, но она всё ещё отчаянно пытается вернуть себе права хозяйки встречи. — Вы, должно быть, утомились от наших провинциальных суеверий. Не предпочтёте ли вы перейти к более важным делам? Господин управитель как раз хотел обсудить с вами новые квоты на поставки из порта.

Огата, разумеется, ни о каких квотах говорить вообще не собирался. Но он согласно кивает. В его прищуренных глазах пляшет циничное удовольствие: ему нравится смотреть, как Рин судорожно пытается спасти свой проигранный раунд, но этот кивок обращен и ко мне. Это приказ. Кошачьи игры окончены, мужчины переходят к делам, и мне здесь

больше не рады. Пора уходить.

— Пожалуй, время не ждёт, — Морианага слегка расправляет широкие рукава кимоно. — Аямэ-сан, вы не станете на нас обижаться?

— Разумеется, нет, господин советник. Скромная гейша умеет приходить вовремя и уходить до того, как станет обузой.

Я плавно поднимаюсь с татами, следя за тем, чтобы шёлк не зашуршал слишком громко. Склоняюсь перед Морианагой — ровно, с безупречным изяществом, выражающим уважение к его высокому рангу. Затем поворачиваюсь и кланяюсь управителю Огате — чуть ниже, как местному хозяину земли. На Рин я даже не смотрю, полностью лишив её прощального поклона. Её накрашенные губы сжимаются в бледную нить от нанесенного по всем правилам этикета оскорбления.

— Надеюсь, наши пути ещё пересекутся, Аямэ-сан. Ваши ответы оказались на редкость познавательны.

— Буду с нетерпением ждать новой встречи, господин советник.

Я направляюсь к выходу. У самой двери господин Огата негромко, с мягким и вальяжным смешком бросает мне в спину:

— Заходи почаще, Аямэ-сан. И напомни Кагэхире-сану, что я всё ещё жду его к ужину. Нам двоим определено есть что обсудить после сегодняшнего дня.

Я останавливаюсь у самого порога, плавно разворачива-

юсь и склоняюсь в безупречном, мягком поклоне. Мой голос звучит ровно и сладко, как капли меда:

— Непременно передам ваши слова, господин управитель. Уверена, Кагэхира-сан почтет за великую честь разделить с вами свободный вечер.

И выскальзываю за сёдзи, не оборачиваясь. Война объявлена.

Я даже не успеваю дойти до конца темной парадной галереи. Шаги за спиной шуршат слишком торопливо, ломая привычный размеренный ритм чайного дома.

В полумраке коридора меня нагоняет Рин. Она мягко, но мертвой хваткой перехватывает меня под локоть — со стороны этот жест выглядит почти сестринским. Но её длинные ногти сквозь тонкий шелк кимоно въедаются в мою кожу, словно железные клещи. Её всю едва заметно трясет от унижения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.